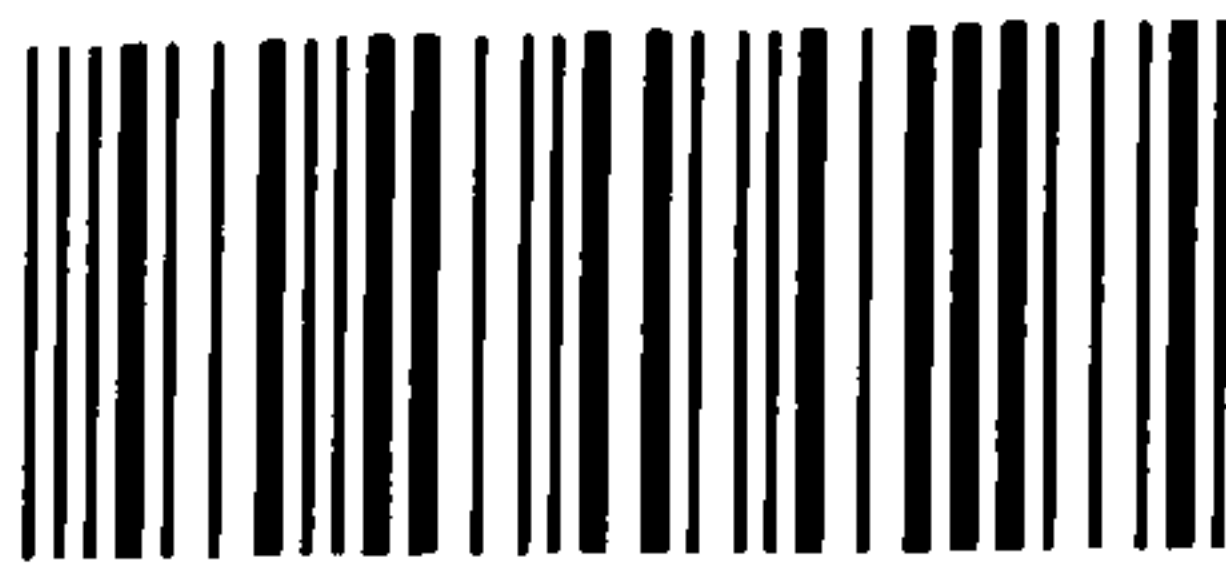


U. 12
9
12



2007044030

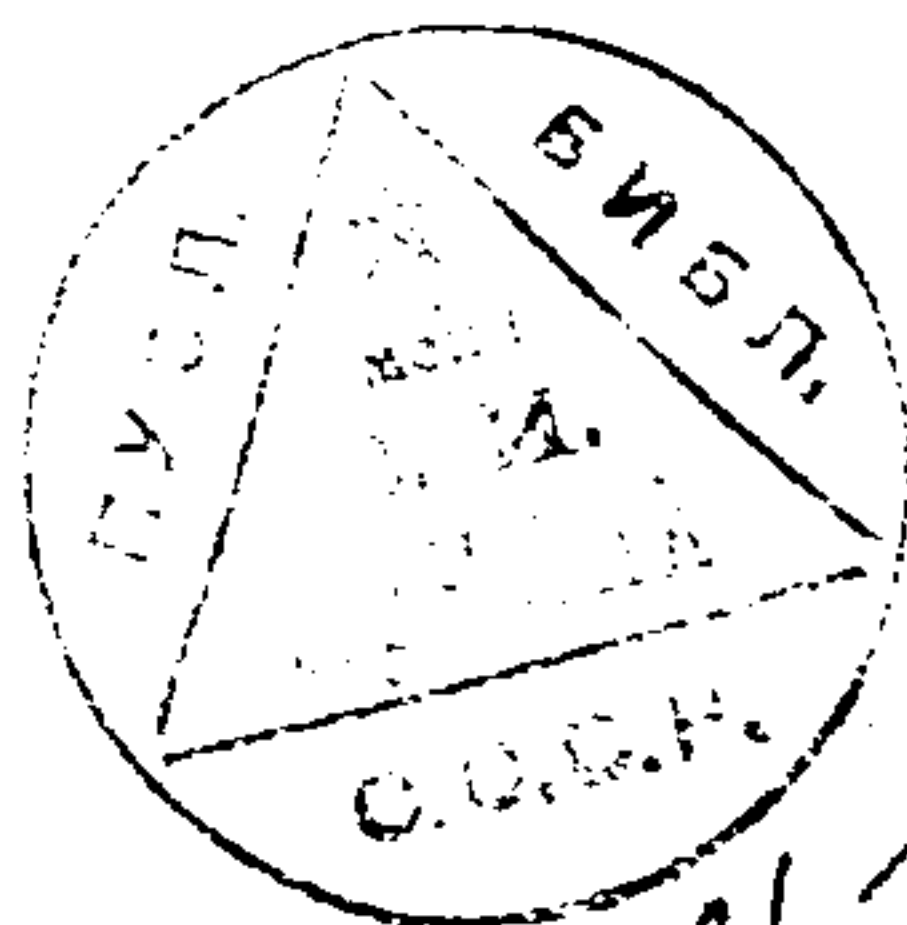
40
92

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

НИХАННА СЕМЕВСКАГО



ф. 81. 28614

ПЕТЕРБУРГЪ

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 40 апрѣля 1861 года

Ценсоръ *Е. Волковъ*

Оттиски изъ журнала «Время».

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

(РОД. 12 ОКТЯБРЯ 1664, УМ. 13 ОКТЯБРЯ 1723)

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I

Б Р А К Ъ.

По мѣрѣ того какъ росъ и мужалъ великій Петръ, Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ Васи́лемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержа́нія за собою господства надъ братьями и власти надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственнаго юноши рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Васи́лій Васи́льевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы *скорбенъ* главою (т. е. *глухъ*), косноязыченъ, страдалъ цынгой, плохо видѣлъ, и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бояръ, его окружавшихъ... Женихъ онъ былъ плохой, но, весь во власти Софьи, онъ не сопротивлялся ея желанію.

Правительница была увѣрена, что Иванъ явится неспособнымъ къ брачной жизни; тогда она принудитъ невѣстку вступить съ кѣмъ-нибудь «въ тайную связь» и подаритъ такимъ образомъ супруга дѣтьми. Предполагалось, что съ появленіемъ ихъ Петръ бу-

детъ совершенно устраненъ отъ престола, Софья навсегда овладѣтъ и Иваномъ, и Россіей; а если впоследствии со стороны дѣтей больного явится желаніе властвовать именемъ отца, то правительница не затруднится доказать поступокъ царицы, заточить ее въ монастырь, объявить дѣтей незаконными, а *скорбнаго* отца женить на другой, которая своимъ безплодіемъ покажетъ немощь вѣнценосца и справедливость заточенія первой супруги. Желая имѣть всему дѣлу поддержку въ духовенствѣ, Софья рѣшилась возвестить на патріаршій престолъ архимандрита Сильвестра Медвѣдева, своего умнаго и дѣятельнаго пособника.

На сколько достовѣренъ этотъ обширный замыселъ, переданный греческимъ историкомъ Θεοδοзи (¹) и нѣкоторыми другими писателями, рѣшить трудно; но нѣтъ сомнѣнія, что свадьба Ивана была задумана Софьей и болѣе или менѣе входила въ черту ея дѣйствій противъ Петра.

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невестой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закинули страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволъ жениха, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подслѣповатыя очи Ивана остановились на круглолицой, полной Прасковѣ Салтыковой.

Подобные выборы невестъ, по разсказамъ иноземцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнямъ, свезеннымъ на выборку, отводили покои, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по ночамъ, кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно, и наконецъ, *воспылавъ страстію*, отдавалъ избранной платокъ и перетень, а остальныхъ щедро одаривалъ платьями и разными вещами, затѣмъ отпускалъ по домамъ. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и двадцатилѣтняя Прасковья безъ дальнѣйшихъ испытаній наречена невестой восемнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрить портрету, «скомпонованному» по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невеста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы

(¹) Θεοδοзи, Житіе Петра Великаго. Переводъ съ греческаго. Москва. 1788 г. с. 48, 64, 68.

густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень милую.

Свадьба совершена была со всеми церемоніями, которыми обыкновенно сопровождались подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣнчанія, былъ у царя столъ для бояръ, боярынь, родственниковъ и свойственниковъ отца и невесты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословивъ жениха и невесту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни поднялись съ поздравленіями; послѣ стола невеста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 Января 1684 года, въ среду, Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у Патріарха благословенія на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковымъ употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: «... у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга, если онъ за какую нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ, и проч.» Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, на сколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и наконецъ высоко ставилъ ее самое надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествія государя въ соборъ во все колокола, и не умолкалъ до молебна (¹).

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проводя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часъ

(¹) Древн. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 196, 197.

боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось...

«А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему... А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жены, и осматривали ея сорочку, а осмотра сорочку, показали сродственнымъ женамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицину, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохранили въ тайное мѣсто» и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было «въ добромъ совершевіи» и вся родня новой царицы ликовали въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, били въ литавры, и пылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и друг.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ — окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ его, Михаилъ — кравчимъ, окольничимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Лжедмитріѣ, былъ главнымъ подвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Федоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Доро-

гобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола (ум. въ 1655 году); братъ его Петръ былъ дѣдомъ царицы Прасковьи, отецъ которой Александръ при царѣ Алексѣѣ, съ завоеваніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева (1). Счастливый родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ перемѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Оедоромъ (2), вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Оедоровной родился сынъ Василій Оедоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Оедоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева (ум. 1702 года) (3). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также роднаго и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и друг. Родная сестра ея Настасья вышла впоследствии за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ивана Оедоровича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почота, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объяснятся многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

(1) Н. Закревскій: Лѣт. и оп. гор. Кіева. Чт. Об. Ист. 1858, т. II, с. 245.

(2) Дневникъ Гордона.

(3) Кн. П. В. Долгорукій: Рос. Род. кн. 1855, ч. II, с. 68—83.

Много говорить о воспитаніи Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, не была мастерица писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предрассудкахъ и суевѣріи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, не вникая въ ихъ сущность и значеніе.

Идя по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками, — и вотъ Прасковья очень чтитъ духовенство, дружилась съ монахами, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ замужъ жизнь ея пошла обычной колесей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищей братьи и колодникамъ ⁽¹⁾.

Жила она съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ, гдѣ посѣщали ее время отъ времени боярыни, ближніе люди и многочисленная родня.

«И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, повѣствуетъ Коѣошихинъ, царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быть опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь, и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...»

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей, какъ и ожидала Софья, не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ рассказывала: «при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животъ съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...» ⁽²⁾.

Однакожъ въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья «очреватѣла». Немоцный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней прави-

⁽¹⁾ Др. Рос. Вивліюф. изд. 2, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332. — Дворц. разряды т. IV, с. 842 и друг.

⁽²⁾ Госуд. Арх. карт. 7, писм. ц. Прасковьи 1719 г., л. 12.

тельницы. Проникая въ ея замыслы ⁽¹⁾, Наталья Кириловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвѣнчался съ А. О. Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, ц. Прасковья разрѣшилась отъ бремени — дочерью. Рано утромъ благовѣстъ Успенскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхались, пришлоъ царь — и патріархъ отслужилъ молебень.

Въ помѣдѣльникъ, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ *Марьи*; службу совершалъ Патріархъ; воспріемниками были — царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Послѣдній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему воспріемницей не была Софья Алексѣевна? Была ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишенная природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, запискивала въ Петръ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Марьи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патріаршаго канархиста, а послѣ стола, «отдѣйствовавъ Пречистую, пили заздравныя чаши» ⁽²⁾.

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 іюня 1690 года родилась царевна, 20 числа ее крестилъ именемъ Оедосыи архимандритъ Чудова монастыря; воспріемниками были Петръ и ц. Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи ради рожденія, 4 іюля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ заздравную чашу съ духовенствомъ ⁽³⁾.

29 октября 1692 года рано по утру Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшплъ къ патріарху бояринъ Оедоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій послѣ благовѣсту служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу по-полудни пріѣхалъ пзъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе воспріемники были при крещеніи царевны *Катерины* въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Голиковъ, изд. 2, т. I, с. 49. — Оводозн с. 66, 71.

⁽²⁾ Др. Рос. Вивліюф, изд. второе, ч. 11, с. 182—183.

⁽³⁾ Др. Рос. Вивліюф, изд. второе, т. XI, с. 186—187.

⁽⁴⁾ Тамъ же с. 188—189.

28 янв. 1693 года родилась царевна *Анна*; въ слѣдующемъ 1694 году 24 сентября царица разрѣшилась послѣдней дочерью: то была царевна *Прасковья*.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце больного претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Оедосьи (сконч. 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать ⁽¹⁾.

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ по скорби главы, Прасковья по ежегодной беременности ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли отъ имени юнаго еще Петра его родственники и совѣтники, какъ Русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ приемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ г. Устряловымъ въ томъ, что Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата ⁽²⁾. По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія «ззорное лицо» — Софью ⁽³⁾.

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при крещеніи обонхъ сыновей его, Алексѣя Петровича 23 февр. 1690 г. и Александра Петровича 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашонъ въ воспріемники. Въ первый разъ былъ воспріемникомъ Патріархъ Іоакимъ съ царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкій съ царевной Натальей ⁽⁴⁾.

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у ц. Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже

⁽¹⁾ Тамъ же с. 203—204, 210—211, 236, 240.

⁽²⁾ Истор. Петр. Вел. 1858, т II, с. 264, 265.

⁽³⁾ Тамъ же — 77, 408. — У Голикова см. разглагольствованія «о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ», т. I. с. 92—93, 255.

⁽⁴⁾ Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 184 и 188.

таилъ се въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іордань, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія ⁽¹⁾; царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января въ день именинъ сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычные поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣльцкихъ полковниковъ и гостей водкою, а чрезъ три дня его ужь не стало: онъ умеръ скоропостижно ⁽²⁾ 29 января 1696 года, въ-третьемъ часу по-полудни.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Ѳедора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Ѳедоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

II

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Прасковья осталась съ тремя малютками, но печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе В. А. Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка, какъ владѣтельница села Измайлова, выбрала его своею резиденціею.

Эта старинная подмосковная вотчина дома Романовыхъ состояла изъ села, дворцовыхъ зданій съ двумя церквами и звѣринца съ садами, прудами и мельницами.

Царица-помѣщица занимала громаднѣйшій, по тому времени, дворецъ; онъ былъ на острову, окруженный прудами и рѣчкой Сереб-

⁽¹⁾ Желябужскій, с. 61.

⁽²⁾ Туманскій, Рос. Магаз. III, с. 77—89 дворц. записк. Дневн. Гордона. — Желябужскій, изд. 1840, с. 63—279. Др. Р. Визл. ч. 11, стр. 228.

ровкою; въ длину дворецъ вытягивался на 122 саж., въ ширину на 84 саж., съ двухъ сторонъ готическія башни служили воротами на широкій дворъ; голландскіе часы съ курантами украшали одинъ изъ въѣздовъ. Покои были въ одно жилье, маленькіе, низменные, со сводами и съ толстыми рѣшетками въ окнахъ. Въ нихъ размѣщались сотни челядинцевъ, составлявшихъ дворъ и свиту царицы; тутъ же были кладовыя, поварни, медоварни и винныя погреба. На южной сторонѣ дворца вадстроены были огромныя брусчатые хоромы съ теремами. Онѣ примыкали къ двухъэтажной дворцовой церкви, въ которой на хорахъ обыкновенно ставала царица и царицы.

У дворца, на холмѣ, подымался памятникъ благочестія царя Алексѣя, величественный каменный соборъ о пяти главахъ, крытый гонтомъ, съ высокими крыльцами и окнами съ слюдяными оковницами; у подошвы холма колокольня или звѣриѣ башня съ подъѣздными воротами и тутъ же на Серебровскомъ пруду была каменная мельница Серебриха; башня славна была тѣмъ, что въ ея средней палатѣ нѣкогда съѣзжалась царская дума; здѣсь былъ судъ и расправа, и неподалеку, близъ стараго звѣринца, у съѣзжей избы стояла висѣлица; нечего и говорить, что при новой помѣщицѣ великій Петръ часто посѣщалъ Измайлово и висѣлица не была пуста...

Вся обстановка Измайлова была чисто царская, со всѣми возможными удобствами, даже роскошью. Кромѣ названнаго дворца, на берегу Серебровки были еще деревянныя хоромы; подлѣ нихъ разбиты были регулярный и виноградный сады; кромѣ того, въ звѣринцѣ были сады съ прудомъ, на которомъ водились царскія птицы — лебеди.

Сады были богаты всякаго рода растеніями: фруктовыми деревьями, цѣлебными травами и кореньями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки; на скотномъ дворѣ насчитывалось сотни головъ домашняго скота. Въ старомъ дворцовомъ звѣринцѣ были олени, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки и проч.

Было гдѣ погулять, побѣгать и поиграть подроставшимъ царевнамъ: всюду онѣ встрѣчали просторъ, раздолье, полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ. Маменька жила зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства: всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ихъ услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и редила, миловала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло,

внолѣ соотвѣтственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами указивало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своими издѣліями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками и сзывали рыбъ на кормъ по колокольчику. Подрастаѣ, онѣ привыкали въ теремахъ своимъ къ шитью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но рукодѣлье не далось имъ; покрайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ.

Церковный праздникъ и царскій день ознаменовывался сгономъ крестьянъ и крестьянокъ на широкій дворъ для собственнаго веселья и для забавы помѣщицы съ ея чадами: выставлялось пиво, вино, заводились хороходы, сбѣгались толпы мальчишекъ — и царевны раздавали имъ пряники, куски избытки маковой, денежки и полушки ⁽¹⁾...

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль — заглянуть и на чорную сторону того же патріархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость клали столь густыя тѣни и не на такія лица, какова была Прасковья...

Но эту сторону ея характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы принаравливаться къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни ⁽²⁾.

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлала царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполне отъ святой для нея старины, она въ то же время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе мо-

⁽¹⁾ Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ. М. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, ст. А. Малиновскаго въ Землед. Журналѣ. М. 1824, № II. — Также Русс. Старина, М. ч. 4.

⁽²⁾ Устр. т. III, с. 156.